

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор ФГБУН

«Институт языкоznания РАН»

чл.-корр. РАН В. М. Алпатов

«2» марта 2017 года

Отзыв

ведущей организации

о диссертационном исследовании Екатерины Анатольевны Лютиковой

«СИНТАКСИС ИМЕННОЙ ГРУППЫ В БЕЗАРТИКЛЕВОМ ЯЗЫКЕ»,

представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Задача рецензируемой диссертации – выявить универсальные синтаксические черты именной группы в языках различного строя и продемонстрировать общность синтаксического устройства именной группы в артиклевых и безартиклевых языках. С этой целью автор предпринимает крупномасштабное исследование параметров именных групп в языках различного строя – русском, осетинском, исландском, татарском (включая отдельный мишарский диалект татарского языка), якутском, цахурском. Для сопоставления, подтверждения гипотез и отработки методов автор также привлекает материал большого количества языков, известных по описаниям. Всего в списке языков 100 названий языков. В отличие от большинства работ по формальному синтаксису, перемещениям, подъемам и проекциям автор широко использует традиционные описания, в частности, результаты традиционной русистики, включая Академическую грамматику русского языка 1980. Список литературы включает 848 наименований на русском и английском языках. Диссертация насчитывает 770 страниц. Работа состоит из двух частей (томов), семи глав. Первый том посвящен анализу структурных черт именных групп, во втором томе – анализируется дистрибуция именных групп и синтаксис падежа. В круг исследования попадают следующие параметры и структурные элементы именных групп. В первой главе рассматривается т.н. группа определителя (DP) в артиклевых и безартиклевых языках. Вслед за С. Эбни и А. Сабольчи автор принимает DP-гипотезу, в соответствии с которой «группа, образуемая лексическим существительным, не содержит артикль в качестве своего зависимого; напротив, артикль возглавляет собственную группу — DP — и принимает группу лексического существительного — NP — в качестве

комплемента» (стр. 15, т. 1). Соответственно, предполагается, что именная группа устроена аналогично глагольной, имеющей функциональную проекцию и зависимые комплементы. Далее автор последовательно показывает, что и в безартиклевых языках существуют группы типа DP (а также группы NP, не имеющие DP-проекции), причем первые обнаруживают дистрибуцию, порядок слов и акцентные свойства (в смысле выбора акцентоносителя в группе), и результаты перемещений, которые свойственны именным группам с определенным артиклем в артиклевых языках. Соответственно, проекция артикля добавляет дополнительный уровень в иерархической структуре именной группы.

Вторая глава посвящена структурной позиции притяжательных элементов (посессоров), генитивных и изафетных, в иерархически организованной группе. В третьей главе рассматриваются числовые именные группы, порядок слов в них, возможность разрывов (*годам к шести*), согласовательные возможности числовых групп (*три студента пришли/пришло*). Согласовательные и трансформационные возможности числовых групп также рассматриваются в свете DP-гипотезы. К лексической (в терминах NP) и функциональной (DP) добавляется признаковая проекция категории числа NumP, которая, в частности, опосредует отношения между семантическим и морфологическим числом (ср. *морковь лежала на столе* vs. *ножницы лежали на столе*). Таким образом, в результате, вслед за П.В. Гращенковым 2006, автор выделяет три группы проекций в расширенной иерархической структуре именной группы: референциальную (проекцию артикля), количественную (проекцию числительного) и лексическую (проекцию лексического имени).

Четвертая глава посвящена синтаксису относительных клауз с точки зрения их синтаксической позиции и семантической интеграции в составе именной группы со специальным вниманием к рестриктивным относительным предложениям (*Мальчишка, [RESTR что меня сюда привел], говорил, что у вас Арина бывает*) и аппозитивным (*Он опоздал, что было замечено*). Показано, что «синтаксическая позиция относительной клаузы ... предопределяет тип ее семантической интеграции в именную конструкцию. Так, ... аппозитивная клауза (...что и было замечено) присоединяется строго выше уровня определителей и квантификаторов ... вследствие чего не участвует в создании экстенсионала определяемой именной группы» (стр. 8 авторефера), т.е. ничего не говорит о множестве референтов группы, выраженной клаузой *Он опоздал*. Здесь заметим, что большинство синтаксических построений автора имеют четко выраженную семантическую составляющую, что выгодно отличает рецензируемую диссертацию от многих работ по формальному синтаксису.

Вторая часть диссертации посвящена проблемам синтаксического падежа. Падеж рассматривается как средство связи именной группы с внешним синтаксическим контекстом. В работе показано, что падеж характеризует только именные группы полной структуры, т.е. группы, не имеющие функциональной проекции, лишены падежного признака и могут оставаться беспадежными (*С каждого дерева упало по группе*).

Работа имеет ясный обобщающий вывод: наличие проекции DP – универсальный принцип языка. Иначе говоря, независимо от наличия артикля в конкретном национальном языке проекция DP универсальна в смысле устройства «семантико-синтаксического интерфейса, отображающего разные компоненты значения именной группы — лексические, квантивативные, референциальные — в иерархически организованную синтаксическую структуру, так что каждый тип информации получает синтаксическую репрезентацию в рамках соответствующей лексической или функциональной проекции» (стр. 49 автореферата).

Обратимся к замечаниям по работе.

Вначале высажем несколько соображений в связи с аспектами диссертации, которые наиболее тесно связаны с работой нашего отдела. Начнем с т.н. генитива качества. Конструкции с генитивом качества разобраны в работе как свидетельство противопоставления контекстов, которые могут быть интерпретированы как DP, и контекстов, связанных «исключительно с NP» (стр. 43). Результаты, полученные в диссертации в связи с дилеммой «NP vs. DP», как кажется, в существенной степени совпадают с теми, которые получены нами в связи с применением других методов. В работе Т.Е. Янко 2012¹ показано, что конструкции с генитивом качества допускают т.н. «левый сдвиг акцента». Чтобы продемонстрировать «левый сдвиг» приведем примеры. Сравним предложения с особой иллокутивной силой мечты *Вот бы нам сюда СКАКУНА-А-А арабских кровей!*; *Вот бы сейчас СЫ-ЫРУ синего цвета!* с акцентом на синтаксических вершинах именных групп *скакуна* и *сыру* при том, что дефолтные акцентоносители в данных предложениях – это словоформы *кровей* и *цвета*: *скакун арабских КРОВЕЙ*; *сыр синего ЦВЕТА*. Таким образом, конструкции с генитивом качества допускают сдвиг акцента на синтаксическую вершину. Между тем аргументный (звонок друга) и посессивный (сестра Васи) генитив не допускают левого сдвига (**Вот бы нам ЗВОНКА друга дождаться!*; **Вот бы к нам сюда сейчас СЕСТРУ Васи пригласить!*). В конструкциях с аргументным генитивом (и другими приименными аргументными падежами) в контексте особых иллокутивных сил используется т.н. дефолтный акцент:

¹ Янко Т.Е. К проблеме классификации падежных и предложно-падежных конструкций: данные просодии // Критика и семиотика. Вып. 17. 2012. С. 155-164.

Вот бы нам звонка ДРУ-УГА дождаться!; Вот бы нам звонок ДРУ-УГУ сделать!; Вот бы к нам сюда сейчас сестру ВАСИ!). Заметим, что речь здесь идет о допустимости «левого сдвига», а не его обязательности: конструкции в контекстах специфических (способных сдвигать акцент) иллокутивных сил с дефолтным акцентом также грамматичны: *Вот бы скакуна арабских КРОВЕ-ЕЙ!*

Между тем результаты теста на «левый сдвиг» дают более широкие множества противопоставления, чем получены в диссертации. Кроме генитива качества, «левый сдвиг» допускают определительные конструкции с наречиями и предлогами (*яйцо всмятку, домик напротив, юбка в складку, пирожок с капустой, затычка для ванны, ботинки для мальчика*, комитативные именные группы *Танечка с Ванечкой*, имена собственные типа *Вася Иванов*). Что касается запрета на «левый сдвиг», то кроме аргументных и посессивных конструкций, левый сдвиг запрещен в сочинительных конструкциях (*Танечка и Ванечка: *Вот бы к нам сейчас сюда ТАНЕЧКУ и Ванечку!*) и в именах-отчествах (*Марья Ивановна: *Вот бы к нам сейчас сюда МАРЬЮ Ивановну!*). Возникают следующие вопросы. Связан ли запрет на «левый сдвиг» с непроницаемостью DP?; Может ли противопоставление предложно-падежных групп в связи с дихотомией «NP vs. DP» давать тот же результат, что и тест на «левый сдвиг»?. Имеются ли деривационные различия у денотативно идентичных, но различных по способности к «левому сдвигу» именных групп *Танечка с Ванечкой* vs. *Танечка и Ванечка, цена на нефть* vs. *цена нефти, пола пальто* vs. *поля у пальто*? В свете DP-гипотезы, постулируемой автором диссертации, «левый сдвиг» говорит о том, что не-актантовые группы (*с Ванечкой, на нефть, у пальто*) «отдают» акцент синтаксической вершине (*Вот бы ТАНЕЧКУ с Ванечкой сюда!*), а актантовые – нет (*Вот бы Танечку и ВАНЕЧКУ сюда!*). Иначе говоря, перед нами еще один контекст, который, возможно, подтверждает DP-гипотезу.

Далее. Обратимся к разделу, посвященному инверсии существительного и прилагательного (стр. 233 диссертации, 1 том, и далее). Этот раздел отличается особой проницательностью, точностью разработанной техники анализа, обилием блестящих замечаний, оставленных автором читателю просто по ходу дела². Автор рассматривает различные типы инверсий в именной группе «существительное плюс прилагательное» (*Маша девушка решительная; Там носочки чистые на батарее возьми; очиток едкий, мед*

² Ср., например, замечание об особой синтаксической структуре с инвертированным порядком слов в поисковых запросах, основанных на «тезаурусной» стратегии формулирования (стр. 234 диссертации): *доверенность судебная, услуги бытовые, премия квартирная*. Тезаурусная стратегия с инверсией, как тонко отмечает автор, отлична от т.н. сортовой инверсии – *очиток едкий* – и т.н. разговорной инверсии – *носки чистенькие с батареи сними*; ср. также выделение особого типа индивидных именных групп с обязательной инверсией: *Людовик Четырнадцатый, Василий Блаженный, Москва Сортировочная, глава вторая* (стр. 236).

пчелиный натуральный) и приходит к выводу, что они «различаются своим вкладом в интерпретацию именной группы, синтаксическими свойствами (передвижение вершин *vs.* передвижение групп³, возможность разрывов⁴), регистром речи, наличием взаимосвязи с коммуникативной структурой всего предложения... различные виды инверсии в русской именной группе по-разному ведут себя в отношении такого параметра, как выбор акцентоносителя в инвертированной конструкции.» (стр. 253).

Рассмотрим проблему выбора акцентоносителя и анализ предложений с т.н. предикатной инверсией типа *Я женщина СЛАБАЯ, БЕЗЗАЩИТНАЯ; Я человек БОЛЕЗНЕННЫЙ, РЕВМАТИЧЕСКИЙ; Маша девушка РЕШИТЕЛЬНАЯ*. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что при предикатной инверсии «прилагательное образует постпозитивное зависимое» и «оказывается акцентоносителем» (ср. акцентоноситель-прилагательное в предложении *Маша РЕШИТЕЛЬНАЯ девушка* в отличие от дефолтного акцента на существительном при разговорной инверсии *Возьми на батарее НОСОЧКИ чистенькие*), «что можно интерпретировать как выбор акцентоносителя до передвижения». Однако в соответствии с нашими представлениями о механизмах выбора акцентоносителя обусловлен этот выбор не только синтаксическом фактором и типом именной группы. Или, иначе, синтаксический принцип выбора акцентоносителя действует упорядоченно с коммуникативным принципом: 1) вначале определяются границы коммуникативной составляющей (а они могут быть таковы, что проблема выбора акцентоносителя сойдет на нет, так как множество выбора окажется одноэлементным), а потом, 2) если множество выбора состоит из более одного элемента производится выбор акцентоносителя на основании синтаксического фактора.

Поясним это положение. Наша позиция в связи с выбором акцентоносителя в именной группе (а также в любой другой синтаксической структуре), состоит в том, что акцентоноситель выбирается не в собственно именной группе (в глагольной группе, в предложении S в целом), а в коммуникативной составляющей – в теме или в реме – которая служит (или не служит) именной (глагольной или какой-либо другой группой) группой. Иначе говоря, выбор акцентоносителя определен не на синтаксической составляющей, а на коммуникативной. А коммуникативная составляющая, в свою очередь, может и не быть именной (или другой) синтаксической группой. В предложениях с предикатной инверсией (*Маша девушка РЕШИТЕЛЬНАЯ*) предикатная именная группа *девушка решительная* не является цельной ремой (или, иначе, цельной коммуникативной

³ При передвижении вершин вершина увлекает за собой дефолтный акцентоноситель (*прикольные фотографии ДЕТЕЙ → фотографии ДЕТЕЙ прикольные* – разговорная инверсия), при передвижении групп – акцентоноситель выбирается заново в новой позиции (*вологодское МАСЛО → масло ВОЛОГОДСКОЕ* – сортовая инверсия).

⁴ При аппроксимативной инверсии именные группы допускают разрывы: *годам к шести*.

составляющей). Как это показать? Большинство предложений (хоть и не все) с предикатной инверсией в качестве вершинного предикатного имени имеют существительное с самым широким родовым значением: *человек*, *женщина*, *девушка*, *существо*, *вещь*. Такие существительные служат именами тривиальных классов и в предложениях типа *Маша девушка решительная* такие существительные можно интерпретировать как подобие местоименной репризы: *Маша она решительная*. Иначе говоря, мы предполагаем, что вершинное имя *человек*, *женщина*, *девушка* в таких структурах служит данным и вообще не входит в рему. Если же в предложениях с предикатной инверсией используется имя нетривиального класса (*Маша шахматистка/ просодистка/ эндоскопистка решительная*) это значит, что о том, что сущность, обозначаемая подлежащим (в данном случае – это *Маша*), является представителем своего класса (шахматисток/ просодисток/ эндоскописток/ валторнисток), уже шла речь: *Маша шахматистка сильная* означает, что о том, что Маша играет в шахматы до произнесения этого предложения было уже известно, или говорящий делает вид, что это известный факт. Иначе: информация о том, что Маша играет в шахматы, понимается как данное или квазиданное. Отсюда получаем, что классифицирующее имя (*человек*, *женщина*, *шахматистка*) в структурах с предикатной инверсией, скорее, относится к теме, чем к реме. Соответственно, в предложениях типа *Маша девушка (просодистка/ валторнистка) сильная* – рема состоит только из группы прилагательного *сильная*. Значит, проблемы выбора акцентоносителя в такой структуре вообще не стоит, потому что прилагательное в данном случае – это множество из одного элемента. Таким образом, в структурах *Маша девушка РЕШИТЕЛЬНАЯ* и *Маша РЕШИТЕЛЬНАЯ девушка* вершинное существительное обозначает известный класс, а, следовательно, относится к теме и имеет атонический характер (как любая не-начальная тема). Заключим. Недостаток анализа, на наш взгляд, состоит в неточном определении множества, из которого производится выбор акцентоносителя. В соответствии с анализом автора – это множество включает все словоформы именной группы {*девушка*, *решительная*}, а в соответствии с нашими представлениями – это множество словоформ, из которых состоит тема или рема: в данном случае, это рема {*решительная*}. Множество словоформ, из которых состоит тема или рема, может совпадать с множеством словоформ, из которых состоит именная группа, но может быть также уже (как в примерах с предикатной инверсией) или даже шире его: границы тем или рем не всегда совпадают с границами групп⁵. В принципе, темы и ремы могут состоять и из двух (редко – более, чем из двух) групп, не сводимых к единой

⁵ Ср. в предложении *Подстерег – монах девку* тема – *подстерег*, а *монах девку* – это рема, не сводимая ни к какой вышестоящей лексической категории.

вышестоящей лексической категории. Вывод общего характера: выбор акцентоносителя определен не на синтаксической структуре, а на коммуникативной, а синтаксическая структура только влияет на выбор акцентоносителя в коммуникативной составляющей.

Жанр отзыва требует обсуждения и менее существенных замечаний.

В некоторых случаях мы сталкиваемся с непроверяемостью и некритическим использованием тестов на извлечение и топикализации (например, при обсуждении DP-гипотезы), поскольку речь в диссертации может идти о произвольном ранжировании неприемлемых или маргинальных примеров. Так, автор признает нормативными идущие от Фрэнкса и Бабби примеры:

a. Иван не понимает [мое желание [идти на вечер *один / одному]]. [Franks 1995: (41)]

b. Мы должны найти [способ [выжить *сами / самим]]. [Babby 1997: (18b)] стр. 77, т.1.

Ср. также: *Лейтенант-коммандер Ходжкинсон получил приказ быть готов / готовым к взлету*, стр. 80, т. 1).

Нам же эти примеры представляются сомнительными: как кажется, не имеет смысла обсуждать валидность гипотез при столь неоднозначных свидетельствах.

Аналогично на стр. 60 (т. 1), анализируя глаголы-лексические функции (т.н. «легкие» глаголы) в сравнении с лексическими глаголами, автор замечает, что они демонстрируют различное поведение. Автор утверждает, что в сочетании с лексическим глаголом граница именной группы, возглавляемой C_0 (отглагольным существительным или другим существительным, обозначающим ситуацию) непрозрачна для выдвижения составляющих из инфинитивного оборота:

(1.51) a. ...я уже с большим трудом **пересиливал** [острое желание [схватить Степашу за ворот роскошной куртки]]...

b. * *Кого он пересиливал* [острое желание [схватить кого за ворот роскошной куртки]]?

c. **Степашу я уже с большим трудом пересиливал* [острое желание [схватить Степашу за ворот роскошной куртки]].

(1.53) a. Очередной день **принес** обозу [приказ комбата [занять-таки больницу]]. b. *... больница, которую очередной день **принес** [приказ комбата [занять котоюю]]

c. *Больницу принес обозу [приказ комбата [занять бельницу]] очередной день.

Применение островного теста представляется нам не полностью убедительным, так как существуют другие объяснения ограничений, например, на вынос вопросительного слова

в левую периферию. Рассмотрим пример с той же структурой, что и 1.51, но менее распространенный:

- a. *Он выразил желание повидать Степашу.*
- b. *Кого он выразил желание повидать?*

При оценке приемлемости вопроса b мнения экспертов как минимум разделяются: найдется немало носителей русского языка, которые оценят вопрос b как нормативный. Между тем, в контексте коллокации *заявил о желании*, оценка соответствующего вопроса будет другой:

- a. *Он заявил о желании повидать Степашу.*
- b. ?? *Кого он заявил о желании повидать?*

Примеры b (а также пример 1.51 b) в соответствии с гипотезой автора должны давать одинаковую оценку, но, между тем, как мы видим, это не так. Здесь напрашиваются другие объяснения запрета на вопросительную трансформацию. Это степень распространенности и конкретный тип управления (*выразил желание* vs. *заявил о желании*), но не DP-гипотеза.

Итак, оценить неграмматичность результата извлечения составляющих в левую периферию именно как результат такого извлечения по приводимым примерам, на наш взгляд, как минимум нелегко: во-первых, перед нами не всегда действительно примеры неграмматичности, а вполне приемлемые русские предложения (ср. допустимое *Кого он выразил желание повидать?*), во-вторых, причины неграмматичности могут идти не от извлечения составляющих, а от других параметров этих предложений (*Кого он выразил желание повидать? vs. ?? Кого он заявил о желании повидать?*).

Приведем другой пример. На стр. 83 автор пишет о том, что в коллокациях с существительными, выражающими эмоции, отрицательные местоимения затруднены: **Он не испытывает радости никуда ехать*. Между тем причину неграмматичности, как кажется, следует искать не в выражении эмоций, а в другом: коллокация *испытывать радость* независимо от наличия отрицательных местоимений вообще не имеет управления с инфинитивом: *он испытывает радость/не испытывает радости от поездки в деревню* vs. **Он испытывает радость поехать в деревню*.

Перейдем к рассуждению о неграмматичности выноса составляющей из DP с непустой (т.е. выраженной эксплицитными элементами D *этот, свой*) проекцией D в коллокациях с инфинитивом:

Исходная структура: *Пусть скажут нам, кто же *отдал* [DP *этот* [NP *приказ снять первого сентября все посты на подъездах к школе*]]?*

Результат выноса в контексте с NP (т.е. в отсутствие *свой* или *этот*).

a. На подъездах к каким школам был отдан приказ снять все посты?

Результат выноса в эксплицитной DP:

b. На подъездах к каким школам был отдан этот странный приказ снять все посты?

В соответствии с мнением автора трансформация b неграмматична, в соответствии же с нашей языковой компетенцией решительных различий между грамматичностью a и b нет. Соответственно, как доказательство того, что структуры DP в контексте лексической функции Oper плюс инфинитив (*отдал свой приказ снять посты, принял это странное решение снять посты, выразил свое желание схватить Степашу*) являются островными, этот тип выноса составляющей в левую периферию, а также само утверждение о том, что перед нами DP, а не NP, как кажется, не работает.

На стр. 207-209 из примеров *Только эти 21 человек остались невредимыми; 21 человек осталось невредимыми; Все 21 человек осталось* – бракуется автором только *Все 21 человек осталось*. Однако контекст без *все* (*21 человек осталось невредимыми*) – нам также представляется неграмматичным.

Относительно проблемы синтаксического варьирования, поставленной в работе, хотелось бы заметить следующее. Представляется что для объяснения всех случаев языкового варьирования одной только глубинной компетенции недостаточно. Даже при синхронном описании мы понимаем, что язык – это результат исторического развития, поэтому для него характерно большее (как в русских числовых формах) или меньшее (как, скажем, в венгерской грамматике, где вообще мало фонетически необъяснимых алломорфов морфем) варьирование. За историческими изгибами может скрываться некоторая случайность (как выравнивание по аналогии или сохранение реликтовых форм). Это не значит, что не требуется лингвистической теории, которая позволяла бы адекватно описывать язык с синхронной точки зрения. Однако, нельзя, как кажется, использовать только одну теорию, которая объясняла бы все случаи варьирования (скажем, все перипетии образования русских числовых форм) одной только глубинной языковой компетенцией, а не случайностью исторического развития. В результате, за блеском направления, в русле которого подготовлена рецензируемая диссертация – выдающееся по широте охвата материала, разработке методов, отсутствию разного рода ошибок, которые практически всегда мы наблюдаем в работах по типологии, произведение – мы, между тем наблюдаем следующие уязвимые моменты: 1) стремление за всеми типами варьирования видеть проявления глубинной языковой компетенции; 2) известное невнимание к проблемам семантики в пользу синтаксических объяснительных моделей; 3) использование не всегда убедительных примеров, которые с точки зрения грамматичности

дополнительно проигрывают при диагностических трансформациях. Значения параметров в этих примерах могут объясняться не только основной гипотезой, например, DP-гипотезой, но также и особенностями исторического развития, семантическими причинами, фактором коммуникативной структуры.

Заметим, однако, что, несмотря на некоторые сомнительные примеры, рецензируемая работа как раз выделяется высокой культурой анализа, а указанные недостатки – это, скорее, наследство традиции, в русле которой выполнена диссертация. Так что высказанные здесь критические соображения – это упрек не столько диссертации, сколько всему направлению⁶ в целом.

Перейдем к заключительным замечаниям. Масштаб диссертации, полнота охвата проблем и идейное богатство работы Е.А. Лютиковой, стремление автора решать «трудные» задачи с использованием сложной техники современного синтаксического анализа как минимум соответствует, а, скорее, превосходит требования, предъявляемые к работам данного жанра. Перед нами работа всеобъемлющего характера, объединяющая 1) исследовательские открытия автора в связи конкретными синтаксическими явлениями различных языков, языков различного синтаксического строя, включая диалекты, которые автор непосредственно изучал во время полевой работы с информантами; 2) разработку новых методов анализа в рамках формальных моделей языка, 3) использование и критический анализ наиболее влиятельной в современной лингвистике генеративной грамматики и ее дочерних теорий, включая новейшие достижения⁷; 4) рассмотрение альтернативных точек зрения на одну и ту же проблему.

Рецензируемая диссертация полностью соответствует пп. 9 и 10 Положения о присуждении ученых степеней и является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, и

---

⁶ Генеративная лингвистика традиционно очень снисходительно относится к собственным неуклюжим примерам; авторы, работающие в этой парадигме, свободно строят свои рассуждения на самых неожиданных примерах, ср., скажем, пример из работы [Ritter 1991: 39] со значением ‘вежливое поедание торта Даном’. Когда мы говорим об известной нечуткости к языку, которая проявляется в выборе примеров, – это упрек не столько автору диссертации, сколько направлению в целом.

⁷ Ср., например, в разделе 5.4. (Том 2, стр. 49 и далее) анализ и оценку достижений последних 10-15 лет в рамках генеративной парадигмы в области анализа русских падежей и авторский анализ цахурской падежной грамматики в теории т.н. накладывающихся падежей.

решена научная проблема, имеющая важное значение для лингвистической типологии и теоретического синтаксиса.

Автореферат и публикации по теме работы, в том числе статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК, полностью отражают ее основное содержание. Работа содержит новые научные результаты и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку.

Таким образом, рецензируемая работа полностью отвечает требованиям ВАК, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а ее автор Е. А. Лютикова заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Отзыв составлен главным научным сотрудником Сектора теоретического языкознания Отдела теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН доктором филологических наук Татьяной Евгеньевной Янко.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании Отдела теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН 2 марта 2017 года, протокол № 1.

Заведующий Отделом теоретического
и прикладного языкознания
Института языкознания РАН
доктор филологических наук
профессор

В. З. Демьянков

СВЕДЕНИЯ О ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

диссертационной работы Е. А. Лютиковой «СИНТАКСИС ИМЕННОЙ ГРУППЫ В БЕЗАРТИКЛЕВОМ ЯЗЫКЕ», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт языкознания РАН»;

125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/12.

Телефон: (495) 690-35-85

Факс: (495) 690-05-28

сайт: <http://iling-ran.ru>

e-mail: iling@iling-ran.ru

Работы сотрудников ведущей организации по проблематике, рассматриваемой в диссертации Е. А. Лютиковой:

1. Демьянков В.З. О языковых техниках научных революций // Вопросы филологии, 2015. № 1. С. 21–33.
2. Демьянков В.З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Выпуск 27. Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 36–45.
3. Дронов П.С. Так ли уж несовместимы точки зрения Д. Эверетта и генеративистов? // Эверетт Д.Л. Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей / Сост. А.Д. Кошелев. — М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 309—324.
4. Dronov P. Raising and holding one's head high: a corpus-based study of stylistic, pragmatic and lexical variability of the idiom in Russian, Serbian, English, and German // New Semiotics Between Tradition and Innovation / Nueva Semiótica entre tradición e innovación / La Nouvelle Sémiotique entre tradition et innovation: Proceedings of the 12th World Congress of the International Association for Semiotic Studies (IASS/AIS). Sofia 2014 16-20 September, New Bulgarian University / Bankov, K. (editor-in-chief). Sofia: NBU Publishing House & IASS Publications, 2017. P. 1189–1200.
5. Вдовиченко А.В. Грамматическая и коммуникативная интерпретация предикаций в теореме Х. Патнэма // Вестник ТвГУ: серия «Филология», №4 2014. С. 14-22.

6. Ирисханова О. К. Синтаксические аспекты распределения внимания: от коммуникативного синтаксиса к когнитологии // Теоретические аспекты языковой репрезентации. Вып. XII. – М. – Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2012. – 466 – 481.
7. Ирисханова О. К. Реификация как свойство познания и коммуникации // Когнитивные исследования языка: Лингвистические технологии в гуманитарный исследованиях. – Вып. XXIII. – Изд. Дом ТГУ, ИЯ РАН, 2015. – с. 216-226.

Заведующий Отделом теоретического
и прикладного языкознания
Института языкознания РАН
доктор филологических наук
профессор

Б. З. Демьянков

СВЕДЕНИЯ О СОСТАВИТЕЛЕ ОТЗЫВА ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
диссертационной работы **Е. А. Лютиковой** «СИНТАКСИС ИМЕННОЙ ГРУППЫ В
БЕЗАРТИКЛЕВОМ ЯЗЫКЕ», представленной на соискание ученой степени доктора
филологических наук по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Фамилия, имя, отчество

Янко Татьяна Евгеньевна

Шифр и наименование

специальностей, по которым

защитена докторская

диссертация

10.02.19 Теория языка

Ученая степень и отрасль

науки

доктор филологических

наук, коммуникативный

синтаксис

Ученое звание

Без звания

Полное наименование

организации, являющейся

основным местом работы

Федеральное

государственное бюджетное

учреждение науки

«Институт языкознания

РАН»;

Занимаемая должность

Главный научный

сотрудник

Почтовый индекс, адрес

129327 Москва

Менжинского 23-1-234

Телефон

84991893492

Адрес электронной почты

tanya_yanko@list.ru

Список основных публикаций

по теме диссертации

1. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., Языки славянской культуры. 2001. 384 с.
2. Yanko T.E. Russian Numerals with Nouns Denoting Human Beings // General linguistics. N43. No. 1-4, 2004. Published by Pegasus Press, Ashville, North Carolina, and Chandler, Arizona. Pp. 61-84.
3. Янко Т.Е. К проблеме классификации падежных и предложно-падежных конструкций: данные просодии // Критика и семиотика. Вып. 17. 2012. С. 155-164.
4. Янко Т.Е. Верификация гипотез путем расширения эмпирической базы лингвистики (на материале данных просодии) // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. редколлегия: М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова, В. А. Плунгян (главный редактор), С. Г. Татевосов, О. В. Федорова. Санкт-Петербург, 2014. С. 57-75.
5. Янко Т.Е. Коммуникативные варианты лексико-синтаксических структур // Когнитивные исследования языка. Выпуск X. 201. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. С. Когнитивные исследования языка. 2014. № 19 (19). С. 203-215.
6. Янко Т.Е. Проблемы анализа коммуникативных структур и интонации: вопросы и решения // Критика и семиотика Вып. 2. 2014. С. 93-126.

Заведующий Отделом теоретического

и прикладного языкознания

Института языкознания РАН

доктор филологических наук

профессор

В. З. Демьянков

15